

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 81'42:82-93:821.161.1-3(Гайдар А.)
ББК Ш105.51+Ш383(2Рос=Рус)6-8,44
doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_14

ГСНТИ 16.21.33; 11.07.13; 11.07.25

Код ВАК 5.9.8; 23.00.01; 23.00.03 (5.5.1; 5.5.2)

Екатерина Валерьевна Булипопова

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, aerocat@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9941-2798>

Война и ребенок: анализ мифологических и архетипических элементов в произведениях А. Гайдара

АННОТАЦИЯ. В данной статье литературный мир писателя Аркадия Гайдара анализируется на предмет наличия в нем мифологических и архетипических элементов. Это продиктовано тем, что часто мы можем узнать многое о популярных политических мифах из корпуса текстов, не имеющих прямого отношения к политической жизни, например, из детской литературы определенного периода. Ярким примером художественных текстов «особого назначения» — конструирующих в сознании читателя определенную политическую мифологию — можно назвать произведения советского писателя Аркадия Гайдара. Под архетипом в данной статье понимается область коллективного бессознательного, которая вмещает в самой обобщенной форме всю полноту человеческого опыта: психоэмоциональных состояний, представлений, образов, поведенческих паттернов вплоть до сценариев судьбы, связанных с каким-либо аспектом бытия. Анализ производится в рамках оригинальной методологической модели — так называемой «карты коллективной души», разработанной М. Стайном на основе психоаналитической теории К. Г. Юнга. Таким образом реконструируется специфический политический миф, получивший широкую популярность в СССР и основанный на идеях милитаризма, патернализма, агрессивного коллективизма, отсутствия уважения к границам личности и семьи, нерушимой границы между «своими» и «чужими», а также на архаическом идеале самопожертвования Героя-подростка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Аркадий Гайдар, политическая мифология, политические мифы, архетип войны, Гражданская война, ребенок, коллективное бессознательное, политическая психология, юнгианство, мифологические элементы, архетипические элементы, художественные тексты, советский период, детская литература, детские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Булипопова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник отделения философии, Институт философии и права УрО РАН; 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16; email: aerocat@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Булипопова, Е. В. Война и ребенок: анализ мифологических и архетипических элементов в произведениях А. Гайдара / Е. В. Булипопова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 128-138. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_14.

Ekaterina V. Bulipopova

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia, aerocat@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9941-2798>

War and Child: Analysis of Mythological and Archetypal Elements in the Works by A. Gaidar

ABSTRACT. This article analyzes the literary world of the writer Arkady Gaidar with the purpose of discovering mythological and archetypal elements in it. This approach is dictated by the fact that we can often learn much about popular political myths from a body of texts that are not directly related to political life, for example, from children's literature of a certain period. The works of the Soviet writer Gaidar present a striking example of special purpose fiction texts, constructing a certain political mythology in the reader's mind. The archetype in this article is treated as the area of the collective unconscious, which accommodates in the most generalized form the fullness of human experience: psycho-emotional states, representations, images, and behavioral patterns up to the scenarios of fate associated with a certain aspect of being. The analysis is carried out within the framework of an original methodological model — the so-called “map of the collective soul”, developed by M. Stein on the basis of the psychoanalytic theory of C. G. Jung. Thus, a specific political myth is reconstructed, which has gained wide popularity in the USSR and is based on the ideas of militarism, paternalism, aggressive collectivism, lack of respect for the boundaries of the individual and the family, the inviolable border between “own” and “alien”, as well as on the archaic ideal of self-sacrifice of a teenage hero.

KEYWORDS: Arkady Gaidar, political mythology, political myths, archetype of war, Civil War, child, the collective unconscious, political psychology, Jungian studies, mythological elements, archetypal elements, fiction texts, Soviet period, children's literature, children's writers, literary creative activity, literary genres, literary plots.

AUTHOR'S INFORMATION: Bulipopova Ekaterina Valer'evna, Candidate of Political Science, Researcher of the Philosophical Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Bulipopova E. V. (2023). War and Child: Analysis of Mythological and Archetypal Elements in the Works by A. Gaidar. In *Political Linguistics*. No 2 (98), pp. 128-138. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_14.

Актуальные исследования политической мифологии далеко не всегда ограничиваются именно политическим дискурсом; напротив, часто мы можем узнать многое о популярных политических мифах из корпуса текстов, не имеющих прямого отношения к политической жизни, например, из детской литературы определенного периода. Ярким примером художественных текстов «особого назначения» — конструирующих в сознании читателя определенную политическую мифологию — можно назвать произведения советского писателя Аркадия Гайдара.

Практическая мифологизация образа Аркадия Гайдара и его героев началась еще в первых критических литературных статьях в 1920–1940-е гг., но апогея достигла в 60–70-е годы, когда помимо прочих был создан миф о значении слова «гайдар» как «всаднике, скачущем впереди» [Казачок 2005]. Однако мифологическое и архетипическое в прозе Гайдара до сих пор не становилось предметом научного исследования. Кроме того, политическая мифология СССР не исчезла бесследно, риторика войны «за все хорошее», симуляция идеологической борьбы тех времен, возрождение молодежно-патриотических движений — все это имеет место прямо здесь и прямо сейчас. Советский миф был успешным, во многом благодаря его простоте, черно-белой архетипике, а также искренности, с которой основные мифологемы выстраивали и передавали в народ главные сказочники Советского Союза. И в первом ряду среди создателей советского мифа следует назвать писателя Аркадия Гайдара, на произведениях которого выросли поколения.

Целью данного исследования является анализ архетипических и мифологических элементов литературного мира Аркадия Гайдара с применением юнгианской модели «карта коллективной души». Объектом анализа выступает корпус художественных текстов А. Гайдара, в частности, самые знаменитые его произведения («Тимур и его команда», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек» и проч.), а также дневниковые записи.

Под термином «архетип» мы понимаем область коллективного бессознательного, которая вмещает в самой обобщенной форме всю полноту человеческого опыта: психоэмоциональных состояний, представлений, образов, поведенческих паттернов вплоть до сценариев судьбы, связанных с каким-либо аспектом бытия. Архетипика — это специфический для конкретного человека или сообщества набор архетипических образов и сюжетов. Понятие «архетип», таким образом, соотносится с архетипикой как четко очерченная на карте область — с самой картой.

Миф в контексте данной статьи понимается как бессознательный сценарий, нарратив, объединяющий в связный (хотя часто нелогичный в привычном смысле слова) сюжет разные архетипические образы, комплексы, символы. Миф не есть правда или ложь, это искажение [Барт 2008]. Искражающее действие травмы на сознание хорошо известно и описано в психологии. Связка «травма — комплекс — миф» помогает раненой психике выжить, соединяет несоединимое воедино, не дает сознанию расщепиться окончательно, вытесняя лишь некоторую его часть. Именно комплексы порождают стойкие мифы, и отследить работу этой цепочки можно по обломкам архетипического — символам, метафорам, образам и нарративам, включенным в общий дискурс, политический и не только.

В качестве методологической опоры предлагается схема «карты души», заимствованная из области юнгианского психоанализа [Стайн 2018]. В рамках этой модели для здоровой психики (индивидуальной или групповой) предполагается гибкое, динамическое противостояние архетипов Персоны и Самости по принципу энантиодромии¹. При этом Эго-комплекс как бы путешествует по широкой траектории между этими двумя полюсами, периодически сближаясь с областью Персоны или областью Самости, интегрируя (осознавая) все больше содержания из области Тени. В женской психике соединенность Эго и Самости обеспечивает мужская часть бессознательной психики (Анимус); в мужской душе аналогичную роль выполняет женская часть (Анима). Патологии психики вызывает обычно ригидность Эго, слишком прочно соединенного с Персоной, а потому не чуткого к зову глубинной Самости. Отклонением считается также излишняя увлеченность, зачарованность Эго любым из архетипов, в том числе архетипическим светом Самости. Любому архетипическому «одержанию» Эго соответствует набор символов, образов и мифологических мотивов, уже достаточно хорошо описанных в юнгианской литературе. В любом случае,

¹ Энантиодромия (Enantiodromia; Enantiodromie) — психологический принцип, заявляющий предрасположенность любых поляризованных феноменов или явлений переходить в собственную противоположность. Буквально означает «бегущий(ая) навстречу» (вспять, в обратном направлении), относится к проявлению бессознательной противоположности во временной последовательности. В западной психологии принцип введен Карлом Юнгом в его работе «Психологические типы», опубликованной в 1921 году.

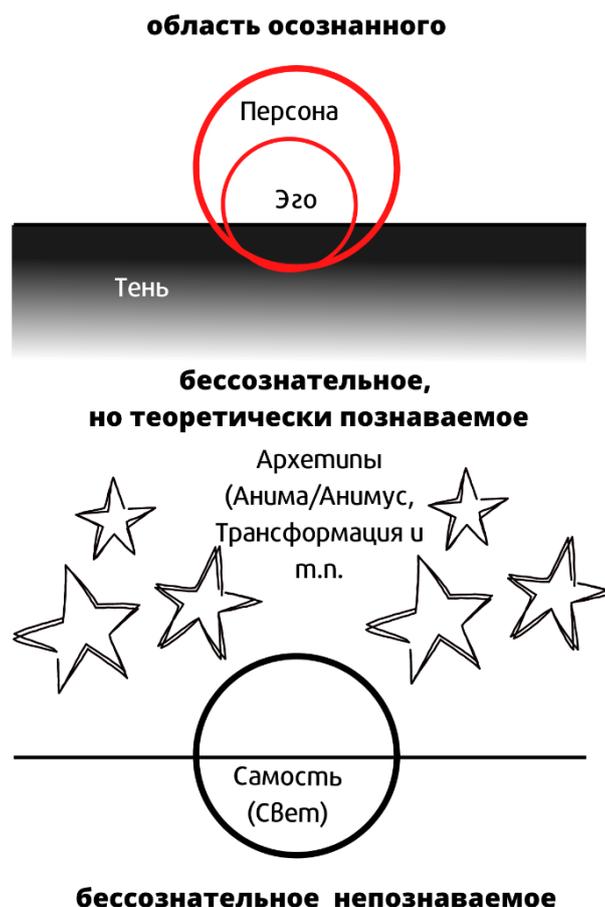

Рис. 1. Карта души по К. Г. Юнгу

выявить эту «очарованность» можно, проанализировав тексты, устные рассказы, продукты творчества человека или сообщества на предмет следов архетипического. Собрать обломки архетипического, проанализировать связи между ними, восстановить структуру мифа, в котором живет человек/сообщество, — вот последовательность психоаналитических шагов для исследования того, что мы называем «коллективная душа».

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, нужно уделить внимание важному методологическому моменту, а именно — что считать Эго-сознанием или равным ему по функциям компонентом в архетипике литературного, искусственно созданного автором мира? Вопрос неспроста: в случае анализа архетипики и мифологии сообщества мы имеем носителей сознания — членов группы, идеологов, способных вербализовать основные ценности и детали мировоззрения сообщества; но когда речь идет о конструкции литературного или, допустим, кинематографического, живописного и т. п.

«авторского» мира, как мы выделим компонент, сопоставимый с рефлексивным Эго-комплексом личности?

Обратимся к функциям Эго-комплекса. Они состоят в самосознании, самоописании, хранении информации о себе и своем опыте, а также в ситуативном освоении, оценке и интеграции компонентов из двух областей — внешнего мира и сферы бессознательного. Если упростить, то функционал Эго-комплекса в психологии личности или сообщества сводится к рефлексии, оценке и осмыслению феноменов внешней и внутренней реальности.

Какой элемент в структуре литературного мира может быть идентичен Эго-комплексу по этим функциям? Полагаем, таким элементом мог бы стать фокус внимания, направленный автором и воспринимаемый читателем. В тексте художественного произведения, как правило, мы легко различаем положительных и отрицательных героев, следовательно, фокус внимания автора произвел оценку частей литературной «реальности», развел их по архетипическим об-

ластям своего и чужого, Света и Тени. Поскольку в текстах художественных произведений встречаются амбивалентные герои или ситуации, начинать анализ архетипики стоит не с таких «пограничных» элементов, а с элементов с четко обозначенной полярностью. Благо в прозе А. Гайдара элементов с однозначной оценкой — подавляющее большинство. Начнем исследование с осмотра общего архетипического ландшафта.

АРХЕТИП ВОЙНЫ

Мир героев Гайдара небезопасен, это его сущностная черта. Мир весь в движении, в бурлении, даже дом здесь не может считаться безопасным местом. Весь текст буквально пропитан тревогой и ожиданием нападения. По большому счету мир Гайдара — это вообще не мир, это перманентная война. Война и есть самый главный элемент в структуре архетипики гайдаровских текстов; кроме того, это модус жизни самого писателя, состоявшего в Красной армии с 14 лет и получившего официальный диагноз «посттравматический невроз» в 18 лет. Можно без преувеличения сказать, что значительная часть сознания Аркадия Гайдара с войны так и не вернулась.

Перечислим еще несколько примечательных черт гайдаровского пространства «мир-войны».

Во-первых, это **пространство ультиматумов**. Уважительные, спокойные диалоги встречаются здесь только между «нашими», и то редко. Пространство коммуникации пропитано идеей насилия, достаточно вспомнить только крылатую фразу хулигана из «Тимура и его команды» — «Будут бить!». Бьют все и всех: в «Тимуре...» бабка бьет Нюрку, Нюрка — козу, наши — не наших, иногда даже брат бьет брата («Чук и Гек»). Драка для героев Гайдара — самая популярная форма разрешения конфликта. Оружие здесь привычный, почти бытовой атрибут, а военные — небожители в форме. Все хотят быть ими. Даже дети — всего лишь подрастающий «эшелон», который в нужное время отправится на фронт. Приказы вместо просьбы, эпичный монолог вместо диалога. Такая манера общения больше подходит для армии, чем для семьи или группы товарищей.

В литературном мире Гайдара **нет личных и семейных границ**. В дом и на участок может зайти кто угодно, добрый или злой. В «Тимуре и его команде» и коза, и молочница, и дети, и взрослые, и положительные герои, и «злодеи» — все входят в личное пространство персонажей фактически разбойным путем: через окно, дыру в

заборе, без стука и спросу. Отсутствие уважаемой другими, непроницаемой для других границы — такая же норма жизни, как револьвер в доме.

В личных (!) дневниках Гайдара содержится множество свидетельств о размытых границах между индивидуальным и коллективным. Писатель с одинаковой вовлеченностью упоминает о встречах с сыном Тимуром, о спасении челюскинцев, о том, что Ботвинник отыграл все партии Флора, о передовицах в «Правде» и «наших» планах на ближайшую пятилетку [Гайдар 1973: 543–547]. При этом направление внимания в сферу коллективного считается положительным, ибо именно там, в коллективном деле заключено «самое важное» — эта фраза часто мелькает в текстах Гайдара, при этом до конца так и не понятно, о чем идет речь, «самое важное» мистифицируется, сакрализуется. Как ни странно, такая, с советской точки зрения, развитая, цивилизованная социально-политическая позиция во многом совпадает с мировидением традиционного человека. Только у традиционного человека поле предметов, которые его интересуют, ограничено здравым смыслом и реальной жизненной потребностью — например, эскимоса волнует, сколько мяса он сможет запасти на зиму, чтобы его семья выжила. А для советского человека список предметов, которые ДОЛЖНЫ его интересовать, искусственно расширен буквально до всего земного шара, при этом заботиться исключительно о себе и своей семье считается единоличием и аморальностью, отсутствием коллективного духа.

Но если границы личности в коммуникации размыты, как установить, кто свой, а кто чужой? Ведь даже Тимура старшая из сестер Александровых, Ольга поначалу принимает за хулигана вроде Квакина. Для Гайдара все очень просто, самоочевидно. Есть только одна уважаемая, священная граница — это неприступная граница СССР, тот самый «железный занавес». Следуя предположению исследовательницы мифов Александры Барковой о тождестве границы и оси мира [Баркова 2019], можно заключить, что именно граница между нашим и не нашим миром — это та самая моральная опора, на которой все и держится. Все наше — хорошее, все чужое — плохое. Сам язык гайдаровских героев служит для разделения мира на черное и белое: наши — команда, не наши — шайка, банда; Тимур — командир, Квакин — атаман; наши, нарушая границы, помогают, не наши — воруют, разбойничают. «Железный занавес» отделяет не только географическую чужбину от своей территории; точно

такой же бронированной заслонкой разделены понятия о правильном и неправильном в голове каждого (хочется добавить «правильного») советского человека. И да, здесь мы имеем место с инфантильной черно-белой картиной мира, где любое иное демонизируется, с фанатизмом, не знающим сомнений, а потому и с коллективной душой, обреченной на невроз в случае поступления регулярной противоречивой информации (К. Г. Юнг определял фанатизм как подавленное сомнение [Юнг 2010b: 163]). Контакт с противоречивой реальностью — обязательное условие для зарождения сомнения, которое затем, разумеется, необходимо будет жестко подавлять, игнорировать, отыгрывая во вне нервное напряжение и запуская различные невротические симптомы в теле.

ТАЙНА КАК СЮЖЕТОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ

Чук и Гек утаивают от мамы телеграмму, полученную от отца. Тимур и его команда тайно помогают семьям красноармейцев. Мальчиш-Кибальчиш своей твердой приверженностью тайне доводит даже главного Буржуина до белого каления и заставляет его восклицать: «Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово?» [Гайдар 2014]. Писательница Елена Сазанович восторженно отзывается о «Сказке о военной тайне...»: «...эта сказка... откроет вам тайну жизни. И тайну смерти тоже. И ещё — главную тайну своей страны» [Сазанович 2012: 74]. Но тайна остается нераскрытой, эмоционально-привлекательной, манящей, но недоступной. Все «самое важное» остается непостижимым. Почти мистический, сакральный ореол тайны наводит на ассоциации с ритуалами посвящения. Процесс инициации подростка во взрослую жизнь — это на самом деле испокон веков тайна, покрытая мраком. Но инициация завершается, когда молодой человек или группа людей снова возвращаются в нормальный мир. Чтение Гайдара наводит на мысль о том, что в его литературном мире инициация подростков в самом разгаре, конца ей не видно.

Итак, мир Гайдара — это война. С точки зрения архетипики, войну можно считать крайним случаем хаотической, непрекращающейся трансформации (напомним, что К. Г. Юнг описал всего один архетип ситуации — трансформацию). Символы и мифологемы классического юнговского архетипа трансформации вполне определимы в описании военных действий. Например, понятие «котел» на войне имеет свой смысл: жесткое

окружение, из которого далеко не все выйдут живыми. Окоп, вырытое укрепление в земле, блиндаж или ДОТ можно сравнить с пещерой инициации. Поезда даже Фрейд считал символом смерти, в юнгианстве же их значение, как и всякой перемещающейся техники, сопоставляется с символикой колесницы, переносящей субъекта из точки А в точку Б, то есть имеющей те же признаки переходного состояния, трансформации. Даже маскировочная униформа солдат точно совпадает с классическим юнгианским цветом трансформации — зеленым. Перед нами картина вечной, нескончаемой трансформации, а если проводить аналогии с процессом индивидуации личности — незавершенная подростковая инициация, вечный переходный возраст.

Примечательно, что в обстановке бушующей, безграничной войны-трансформации отсутствует реальная личностная трансформация героев. Все остаются собой, разве что становятся в процессе рассказа чуть более «проявленными» собой, чем на первых страницах. Зачем весь этот бурлящий котел жизни и сражения вокруг, если он ни к чему значительному для индивида не приводит? В финале «Чука и Гека» можно рассмотреть возможный ответ — чтобы беречь большое и прекрасное государство, Советский Союз. То есть польза не индивидуальная, а коллективная. С гуманистической позиции маленького человека все это выглядит так, будто персонажи должны нести вечную вахту и охранять, беречь, поддерживать пламя в топке гигантского военного бронепоезда, который летит неведомо куда. На благо кому или чему? Какие люди будут в конечном итоге счастливо жить, а не выживать в горниле вечной трансформации? И каким образом психика «ожидających нападения» будет балансировать это постоянное нечеловеческое усилие? Где возьмет ресурс на перманентный героизм? За счет чего или кого будет выживать? Ответ, предлагаемый Гайдаром: за счет ребенка.

ГЕРОЙ-ПОДРОСТОК

В центре повествования Гайдара — дети. 13 лет — возраст Тимура Гараева и Жени Александровой, есть герои и намного младше, но уже в столь нежном возрасте у них вместо сердца пламенный красноармейский мотор.

Архетип Героя становится не только ролью в социуме (Персоной), но и буквально въедается в поведение, в Эго персонажей (подробнее об архетипе Персоны и Эго-комплексе см. «Очерки о психологии бессознательного» [Юнг 2010a]). Рефлексия у гай-

даровских персонажей присутствует в той небольшой степени, в которой она в принципе присуща ребенку или подростку. И эта рефлексия непроста. Велик соблазн написать, что оценку собственных поступков и действий маленькие герои Гайдара выносят на основании коллективных представлений, впитанных из среды, но это было бы правдой только отчасти. Существенная доля правды об этих героях глубже, и она уходит корнями к понятиям «совести» и «чести». При всем безумии «мир-войны», при перенасыщенности текстов символами насилия и милитаризма, честь, мужество, совесть юных героев не могут не вызывать эмпатии. Ребенку с его неискушенной душевной организацией не удастся навязать фальшивку или пропаганду, и если уж истории Гайдара стали такими популярными среди юных читателей, то была там и важная для ребенка правда, и искренность, и привлекательность.

Интересна тема **зеркала** в «Тимуре и его команде». Символическое узнавание себя в зеркале для девочки Жени сводится к различению черт отца, военного командира в своем отражении. Сложно судить, насколько автором был осознан трагический символизм эпизода, где девочка случайно выстреливает в свое отражение из найденного в доме Тимура бутфорского пистолета, но в мифологему о непременной, обязательной гибели Героя этот фрагмент вписывается идеально.

К символике пути Героя мы вернемся немного ниже, пока уделим внимание атрибутам Персоны — символам, которыми герои отмечают сами себя во внешнем мире. В «Тимуре и его команде» это прежде всего **красная звезда** на воротах. Отсылки к красноармейской символике очевидны, но есть и более глубокие смыслы, архетипические (культурологические интерпретации символов здесь и далее взяты из «Словаря символов» Дж. Трессидера [Трессидер 1999]). Красный цвет во многих культурах ассоциирован с пограничным состоянием между жизнью и смертью, с войной, кровью, жертвой, опасностью. Красные отметки на дверях дома — тоже не новая тема в мифологии. В Ветхом Завете во время десятой казни египетской (смерть всех первенцев) евреи по велению Моисея должны были помазать кровью агнца двери своих домов, чтобы отвести опасность от детей. Иудейское слово «песах» (дословно «пройти мимо») затем дало название христианскому празднику Пасхи, где символически повторяется и тема жертвы, и смерть невинного, избивание младенцев царем Иродом. Заметим, что сочетание в одном мифологическом пространстве

двух элементов — «исключительность евреев» и «смерть младенцев» — породило затем в невежественных умах самые дикие комбинации, которые живут в виде конспирологического фольклора по сей день. О символике звезды написано достаточно много, стоит отметить очевидную параллель с вифлеемской звездой, символом младенца Христа, спасителя и чудотворца, на которого смутно похож Тимур, наследник давней русской литературной традиции «богоподобных героев» вроде князя Мышкина из «Идиота» или Петра Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина [Чудакова 2004]. Надежда, свет Христа как путеводная звезда сияет в темной-темной ночи и служит проводником; не тем ли занимаются Тимур и его друзья? И разве не был сам Гайдар одним из «младенцев», принесенных в жертву времени, войне, играм «взрослых»? Вероятно, сам писатель себя жертвой не считал, о чем убедительно говорит и его хронический невроз, первый симптом неразрешенного душевного конфликта.

Еще одним важным символом тимуровской команды (и не только) был красный советский флаг. Знамя у военных — это знак достоинства, чести, доблести. Свой стяг, установленный на позиции, ранее принадлежавшей противнику, маркирует победу; потерять знамя полка — великий стыд и поражение. Любопытную запись, проливающую свет на смысл красного флага, делает Гайдар в дневнике в июле 1931 года: «Костер у вожатых — плохо. Ни чутья, ни политического такта. Декламация — „Красное знамя — знамя свободы, равенства, братства, любви“ и т. п. — чушь. **Красное знамя — знамя диктатуры пролетариата** — и это устроителям невдомек» [Гайдар 1973: 538]. Какая резкая, пусть и произнесенная в дневнике, отповедь новому поколению коммунистов! Почему вдруг диктатура пролетариата исключает равенство, свободу и любовь? Не потому ли, что они противоречат заповедям милитаризма — субординации, жесткой дисциплине и ожесточению сердца? Психолог бы сказал, что нас раздражает то, что мы подавляем в себе. Политолог бы отметил радикальность таких взглядов, находящихся за рамками стандартной «левизны». Специалист, объединяющий оба набора компетенций, обратил бы внимание на личную гайдаровскую трактовку символа флага и сделал бы вывод о том, что для его социальной маски, Персоны, было категорически важно «выглядеть» суровым, цельным, жестким в вопросах войны и власти.

Итак, мы вкратце рассмотрели некоторые внешние признаки героев исследуемого

литературного мира, теперь внимательнее рассмотрим к содержанию самого архетипа гайдаровского Героя, и прежде всего речь пойдет о Тимуре Гараеве.

Во-первых, отметим явную, заметную инаковость Тимура даже на уровне «иностранный» имени. Гайдар первоначально планировал назвать своего героя Дункан, но по просьбе кинематографистов изменил имя на Тимур. Уже в иноземном имени прослеживается одна из самых важных черт эпического героя (о чем Гайдар едва ли знал): в герое всегда есть черта чужого, более того, врага, в архаике — хтонического змея [Пропп 2021]. «Тимур» переводится с оригинального языка как «хромой», как известно, самый знаменитый в истории носитель этого имени, Тамерлан, тоже хромотал. «Старый злой царь, хромой», — так комментирует это имя Ольга Александрова. И это удивительное символическое совпадение (не более чем совпадение), потому что хромота, любое повреждение или даже отсутствие ног у героя эпоса делает его ближе к земле, ближе к исконному врагу — Змею. Примеров в литературе приведено множество — от Ильи Муромца, сиднем сидевшего на печи 33 года, до Гарри Поттера, владеющего языком змей, и летчика Маресьева, точно вписавшегося в архетип Героя именно потому что лишился ног.

Во-вторых, возраст Тимура приходится на классический период инициации, он подросток. Вот что пишет по поводу героя-подростка Александра Баркова: «Герой, о котором мы будем говорить, — это герой, сказания о котором не ставят воспитательной цели, не ставят нравоучительной цели, этот герой не образец для подражания, сказания нужны, чтобы восхищаться, ужасаться и так далее, то есть чтобы слушатели переживали бурные эмоции» [Баркова 2019: 19]. Далее исследовательница мифов выдвигает два важных тезиса — о том, что возраст классического эпического героя — именно подростковый, и о том, что мифологический сюжет отражает процессы, происходящие именно в подростковой психике.

На первый взгляд, Тимур отличается от эпических героев своей подчеркнутой конструктивностью. Однако если присмотреться, то не так уж он помогает, чаще пугает жителей дачного поселка или провоцирует опасные ситуации. Ночной мотоциклетный пробег с Женей в Москву — это, конечно, подвиг для юного читателя, но надо понимать, что за рулем мотоцикла оказывается 13-летний подросток. Любой ответственный взрослый едва ли похвалит подростка за такую авантюру.

Далее, уместно привести целиком еще одну цитату Барковой: «Общество хочет стабильности. Великовозрастный подросток революционер хочет движения, они будут бороться не на жизнь, а на смерть. И в итоге мы получим некое развитие общества. Если подросток выживет при инициации, которая не является обрядом, он потом станет великим человеком, войдет в энциклопедии. Если он погибнет, он будет очередным несоциализированным ушельцем, о таких не поют... Финал биографии эпического героя прямо или косвенно всегда имеет черты самоубийства. Часто это провоцирование собственной смерти... Ярость и гордость его толкают к гибели» [Баркова 2019: 27].

И здесь мы подходим к очень важному моменту, который стал «ахиллесовой пятой» прозы Гайдара и породил волну критики в постсоветское время. Раздутый до исполинских размеров комплекс Героя мало того, что разрушителен для мира вокруг; он неизбежно убивает самого Героя. Подросток и смерть — тема слишком триггерная для современного общества, а между тем все варианты бессознательных деяний подростков в опасном возрасте превосходно отражены в мифах, сказках, легендах и даже в комиксах, где Герои тоже не блещут психологической зрелостью. Но что у Гайдара, правдива ли его мифологическая линия с психологической точки зрения?

Правдива, но ужас в том, что Гайдар искренне одобряет смерть Героя, как и войну, как и военных, и оружие. Это видно в текстах:

«Так вот, по-моему, Сережа, это героизм и есть... когда человеку плохо приходится, а он еще думает, как бы помереть не задаром». Это отрывок из рассказа «Сережка Чубатов» 1927 года. Далее идет трогательный для всякого советского человека опус о том, как ребята спорят о героизме и «видно, что каждый надеется доказать это не столько словами, сколько делом в огневых решительных схватках славного будущего» [Гайдар 1972: 322].

Что получается в итоге? С одной стороны, точное, талантливое попадание в архетипическое обеспечивает текстам Гайдара успех среди эмоционально-открытой эпическим сказаниям детской аудитории. С другой стороны, в героической гибели, в не по возрасту жестоких подвигах своих героев писатель видит исключительное благо. И прежде чем перейти к анализу архетипа Самости, «отвечающего» за благо и свет, скажем несколько слов о характеристиках архетипов Тени и Анимы/Анимуса в литературном мире Гайдара.

ВРАГ

Враги у Гайдара так же достоверны, как и герои. Поскольку речь идет о детской литературе, то нет особого смысла рассуждать о проекциях и роли Тени в процессе индивидуации: дети и подростки еще не обладают эмоциональным контейнером такой емкости, чтобы отстраниться от собственных переживаний и спокойно отрефлексировать столкновение с Тенью, инаковостью, чужаками. Гайдар последователен в этом вопросе, и его злодеи «объективно злы». Таким образом создается картинка черно-белого мира, где четко обозначено хорошее и плохое, и именно в таком мире юному человеку есть на что опереться. Получается, на первый взгляд, парадоксальная вещь: герои, действующие в абсолютно небезопасном мире, но при этом твердо следующие законам чести и совести, создают уже в пространстве сознания читателя островки безопасности, психологическую и моральную опору. Правда, как мы уже отметили, благодаря воспеванию милитаризма нормализуется не только честность и мужество, но и война, и будущие сражения, и оружие.

Самым «скучным» злом в произведениях Гайдара становится стандартное чужое — шпионы, враги, классовое зло, «буржуины», заграничье. Архаичная ксенофобия родом из традиционного общества буквально сквозит здесь в каждом слове, относящемся к «врагу». Нет к чужаку никакого авторского и, следовательно, читательского интереса, нет никаких сомнений в том, что нужно бить этих «гадов» (классическое советское описание врагов, отсылающее к архаичным представлениям о Змее как хтоническом зле).

Немного интереснее «враг» внутренний, обитающий внутри «железного занавеса». Здесь мы встречаем и серьезных рецидивистов, и предателей Родины («Судьба барабанщика»), и начинающих, но небезнадежных хулиганов («Тимур и его команда»). Квакина и его банду сопровождает богатый символический ряд: украденные яблоки, разрушенная часовня, сцена Страшного суда, игральные карты. Если Тимура сравнивают с Богом (знаменитый диалог Жени и Ольги о том, есть ли Бог), то трудные подростки ассоциируются с чертями и грехами (яблоки хоть и не из райского сада, но явно признак грехопадения). Храм в юнгианстве относится к образам Самости, архетипа света, глубинному центру личности. Логично, что разрушенный храм находится в области Тени, где обретаются «безбожники», у которых «ничего святого», или наоборот — хулиганы, пержитки старорежимных суеверий и бесчестья. Полагаем, Гайдар вкладывал в сцену с

храмом именно атеистические смыслы. Безбожность хулиганов Квакина подчеркивается тем, что они играют в карты вблизи церкви: зло при всех режимах. Сцена Страшного суда тоже символична: это день, когда придет Христос, и всем грешникам воздастся по заслугам, а все невинные воскреснут. Тимур в повести — не просто герой, но подобно Гриневу в «Капитанской дочке», герой оболганный, поэтому так важно дождаться судебного дня, который все расставит по своим местам. Таким днем, точнее ночью становится приезд отца Жени и Ольги, командира Александрова.

ИСКАЖЕННОЕ МУЖСКОЕ, ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ЖЕНСКОЕ

Далее рассмотрим архетипы мужского и женского, и начнем с архетипа старца. В «Тимуре и его команде» таких персонажей двое. Первый — интеллигент Колокольчиков, дед, безуспешно починяющий часы и рассуждающий на даче о пользе труда. Его внука Колю Колокольчикова при этом учит жизни сын матроса Гейка. Перед нами архетипический Сатурн/Кронос, который не в состоянии «починить» ход времени. Здесь уместно вспомнить о символике серпа и молота. Серп в античной мифологии принадлежит Кроносу, который оскотил собственного отца Урана и затем в свою очередь понес поражение от сына Зевса. Молот, с одной стороны, атрибут бога-творца (Тор, Гефест), а с другой — имеет явную символику смерти.

Еще один старец — это фальшивый инвалид-ветеран с ПТСР, вечно ожидающий нападения на границе, оперная роль комсомольца Григория, который в итоге становится танкистом, чтобы «сквозь бетон и железо попадать сразу в сердце». Это дядя Тимура и, вероятно, наследник той самой родовой линии. Заметим, что оба старика комичные, над ними потешаются и герои повести, и читатели. В мире Гайдара восхищаются только молодыми и сильными мужчинами, чаще всего военными. Положительное мужское — это молодые военные. Абстрактные, ходульные, будто из папье-маше. Чистый архетип, ничего живого в них нет.

Но даже на фоне военных молодых выделяется эпическая фигура Отца. Отец-военный — высшая власть, судья, глава не только семьи, но и всего мира. Вождь — отец народов. Командир Александров. Аналогия императрице Екатерине в «Капитанской дочке», вершит справедливость, всегда прав. Патернализм в чистом виде, при этом есть и некоторый внутренний конфликт — непослушание равно храбрость, свобода.

Тема мифологического соперничества между старым и молодым мужчиной, между отцом и сыном в литературном космосе Гайдара отсутствует. На самом деле, какое может быть соперничество, если есть Отец, и он отдает вполне четкие приказы? Инициация молодого мужчины, таким образом, и не может быть успешно завершена, ведь психологически иницируемый перманентно остается, по выражению Джеймса Холлиса, «под тенью Сатурна» [Холлис 2016].

Образ Отца — военного командира задает вертикаль всего гайдаровского мира, его политическую организацию. Маризтта Чудакова отмечает: «Перед нами — незримая вертикаль, на которой зиждется монархическое устройство. Средний пласт власти не в силах самостоятельно следовать справедливости — правильно рассудит дело только тот, кто находится в соответствующем чине, причем военном. В повести нет и следов партийной власти (как нет и упоминаний Сталина — от этих упоминаний не один Гайдар, видимо, спасался в эти именно годы в детскую литературу). Все „верхнее“ ассоциируется с военным, все государственное — с назревающей войной, с непреклонностью участия в ней, защиты отечества... Это — военная империя в ее расцвете» [Чудакова 2004].

Таким образом, политическая организация, соответствующая гайдаровскому мифу, — это военная диктатура с отцовской фигурой во главе, строй, основанный на радикальном патернализме и соответствовавший реальному сталинскому режиму.

Женское начало в мире Гайдара смело можно назвать непроявленным. Оно есть, но в двух видах — хтонический хаос, кровожадное безумие войны, это то, что находится как бы за уровнем видимых событий. А «на сцене» проявлено бледное подобие женщин. Либо это озлобленные старухи (в «Тимуре...» — молочница и Нюркина бабка), либо отсутствующая или скорбящая мать. Женский образ либо декоративный, либо его нет. Нет физической, биологической, человеческой матери, но есть мать героев — советская земля. Нет зрелой сильной женщины, есть нервные, подозрительные девы вроде Ольги Александровой. Нет взрослого женского, есть незрелое, детское. Взять хотя бы главную героиню «Тимура...»: девочка Женя хочет быть во всем похожа на отца, играет с мальчишками, больше похожа на юную амазонку, на что и сетует старшая сестра Ольга.

В первобытных сообществах молодому человеку, не достигшему «края» инициации, женщина не положена по социальному статусу. Психологическая реальность подростка

не включает зрелое женское архетипическое, просто потому что не завершена даже интеграция и присвоение зрелой мужественности, до интеграции женственной части души еще расти и расти.

Анима — способ коммуникации мужского Эго и глубинной Самости. При отсутствии интегрированного женского начала реальной связи между полюсами души нет. Нарушенная коммуникация часто становится элементом, который запускает механизм всей истории в текстах Гайдара. Телеграммы, которые регулярно не достигают адресата вовремя, превосходный тому пример. Механизмы коммуникации между детьми работают лучше, чем между детьми и взрослыми.

СИРОТА

В мире гайдаровских героев, на войне, в борьбе, в перманентном напряжении сил и воли запрещено плакать, даже детям. «Мир-война» невыносим, однако женский (материнский) и детский плач в нем — еще невыносимее. Тимур должен сделать хоть что-то, чтобы исправить положение, чтобы унять этот плач. Гайдар поразительно слеп в психологическом плане: увлеченный и бесконечно поощряющий милитаризм, он игнорирует боль и горе, которое приносит насилие, оружие и, собственно, сами военные. Слабость недопустима и неуместна. «Будь сильным, будь героем, не реви!» — из лучших побуждений подсказывает писатель своим героям и маленьким читателям, налагая тем самым табу на все самое естественное в поведении маленького человека: на беззащитность и право быть ребенком.

Часто в рассказах и повестях Гайдара дети брошены, они сироты или родителей физически нет рядом, уехали. Когда нельзя быть слабым, то нужно быть сильным, нужно возложить на себя непосильный груз взрослых. Это использованные дети, которые непременно должны приносить пользу, иначе их не заметят, не примут, не признают за живых и стоящих. Не будем забывать, что для детской психики непринятие в своем окружении является простым синонимом смерти.

Исследуем дальше. В «Тимуре и его команде» дети живут в мире, лишенном зрелой, изобильной, спокойной и сильной женственности, в мире задерганных и тревожных людей. И это лето на даче!

Герой-ребенок — чудовищное в своей антигуманности и потрясающее в своей достоверности «изобретение» Гайдара, созданное на жирной архетипической (и невротической) закваске и тут же принесенное в жертву «самому главному» — партийно-

милитаристской машине государства под названием СССР. В этом образе отражены и символическая драма, и личная драма автора: в жертву таинственному «самому важному» взрослые вполне осознанно приносят живых детей. Выживешь — молодец, герой, заслужил место в строю. Не выживешь, падешь смертью храбрых — поставим красивый памятник, которому будут салютовать самолеты и пароходы. Жизнь человека в таком мире не стоит и копейки, более того, даже смерть будут оценивать с точки зрения общественной пользы.

В психологической норме Персона и Самость должны создавать рамку из противоположностей, между которыми дрейфует Эго и познает себя и мир. Но в черно-белом мире инфантильных героев у противоположностей нет никакого шанса на синтез в рамках зрелой психики. И герои Гайдара, и глубинная суть его литературного мира непротиворечивы, наоборот, представляют собой монолит, глыбу, бронепоезд, который летит на всех парах в светлое будущее, не зная сомнений и полутеней. Все сомневающееся, тревожное, слабое, не пригодное к бою вытеснено в Тень. И этим вытесненным оказывается вовсе не осознаваемый «враг повсюду», не мир за Черными горами, а светлое женское начало в человеке — сострадательное, заботливое, успокаивающее. Там же в Тени оказывается внутренний ребенок — ребенок в беде, забытая Самость, основная причина невроза, не только личного гайдаровского, но и коллективного, милитаристского и советского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно заключить, что литературный космос Аркадия Гайдара представляет собой структурный слепок с разбалансированной психики милитариста, буквально одержимого комплексом Героя, застрявшего в нем вследствие личной душевной травмы. Перед нами возведенное в абсолют мужское, причем исключительно молодое, здоровое, военное. Вытесненное, подавленное женское. И ребенок, которому отказано в праве на детство, на слабость и незащищенность.

Лев Кассиль в предисловии к собранию сочинений Гайдара пишет:

«Ведь недаром Гайдар мечтательно говорил на совещании в ЦК ВЛКСМ, состоявшемся незадолго до начала Отечественной войны:

„— Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили красно-

звездную крепкую гвардию“» [Гайдар 1971: 22–23].

Как относиться к подобному оборотничеству детского писателя сегодня — вопрос острый и актуальный. Все же современные подходы к воспитанию молодых людей значительно изменились со времен СССР, и далеко не все родители обрадуются перспективе выращивания «гвардии» из своих любимых детей.

Специфика политического мифа в литературе Гайдара:

– постоянная война, борьба, внешняя трансформация при отсутствии внутреннего личностного развития героев;

– агрессивный коллективизм, отсутствие уважения к границам личности и семьи;

– нерушимая граница между «своими» и «чужими», соответствующая архаичным представлениям о мире людей;

– патернализм, отцовская диктатура;

– милитаризм как положительно оцениваемый феномен реальности;

– высшие ценности — честь и верность моральному долгу, слепая преданность «своим»;

– активный комплекс Героя и его обратная сторона — подавление слабости, детскости, незащищенности, фактически принесение в жертву ребенка.

С точки зрения современного общества, эти характеристики противоречивы и архаичны по своей сути. Высокие моральные ориентиры не могут оправдать отсутствие личных границ и небезопасную среду, в которой не может сформироваться развитая личность, способная к эмпатии, сотрудничеству, реальной, а не показной преданности сообществу. Насилие порождает насилие, тем более в милитаристских обществах. В прозе Гайдара остается много привлекательного для молодых людей, особенно для юношей — романтика и авантюризм, искренность и морально-этические примеры поведения в сложных ситуациях. И тем не менее сама черно-белая, жесткая и местами жестокая архетипика этого литературного мира, близкая архетипике архаичного мифа и воспринятая буквально, автоматически формирует только ригидное сознание. Это нельзя назвать плюсом ни в плане психологии личности, ни в измерении социально-политическом, поскольку негибкое, однозначно трактуемое феномены реальности сознание не способно к уважению отличных мнений, чужих границ, к искренней эмпатии и восприятию инаковости других. Ригидные личности склонны создавать конфликты, но не привержены мирному поиску решений. Вкупе с милитаризмом ригидное сознание

приветствует войны, а к чему может привести восторженное поклонение оружию, человечеству прекрасно известно, и гордиться здесь совершенно нечем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баркова, А. Подросток. Исполн. Регресс: Три лекции о мифологических универсалиях / А. Баркова. — Москва : Рипол-Классик, 2019. — 224 с. — Текст : непосредственный.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва : Академический проект, 2008. — 351 с. — Текст : непосредственный.
3. Гайдар, А. Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове / А. Гайдар. — Москва : Онискс, 2014. — 28 с. — Текст : непосредственный.
4. Гайдар, А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1 / А. Гайдар. — Москва : Детская литература, 1971. — 368 с. — Текст : непосредственный.
5. Гайдар, А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3 / А. Гайдар. — Москва : Детская литература, 1972. — 400 с. — Текст : непосредственный.
6. Гайдар, А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4 / А. Гайдар. — Москва : Детская литература, 1973. — 590 с. — Текст : непосредственный.
7. Казачок, М. В. А. П. Гайдар в критике и литературоведении : дис. ... канд. филол. наук / Казачок М. В. — Волгоград, 2005. — 195 с. — Текст : непосредственный.
8. Пропп, В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. — Москва : КоЛибри, 2021. — 640 с. — Текст : непосредственный.
9. Сазанович, Е. Аркадий Гайдар: военная тайна Мальчиша-Кибальчиша / Е. Сазанович. — Текст : непосредственный // Юность. — 2012. — № 10 (681). — С. 73–74.
10. Стайн, М. Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию / М. Стайн. — Москва : Когито-Центр, 2018. — 300 с. — Текст : непосредственный.
11. Трессидер, Дж. Словарь символов / Дж. Трессидер. — Москва : [б. и.], 1999. — 448 с.
12. Холлис, Дж. Под тенью Сатурна. Мужские психологические травмы и их исцеление / Дж. Холлис. — Москва : Когито-Центр, 2016. — 184 с. — Текст : непосредственный.
13. Чудакова, М. Дочь командира и капитанская дочка / М. Чудакова. — Текст : электронный // Русский журнал. — 2004. — 22 янв. — URL: http://old.russ.ru/culture/literature/20040122_mch.html (дата обращения: 30.01.2022).
14. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. — Москва : Когито-Центр, 2010. — 352 с. — Текст : непосредственный.

15. Юнг, К. Г. Символическая жизнь / К. Г. Юнг. — Москва : Когито-Центр, 2010. — 326 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Barkova, A. (2019). *Podrostok. Ispolin. Regress: Tri lekicii o mifologicheskikh universalijah* [Teenager. Giant. Regress: Three lectures on mythological universals]. Moscow: Ripol-Klassik, 224 p. (In Russ.)
2. Bart, R. (2008). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskij proekt, 351 p. (In Russ.)
3. Gajdar, A. (2014). *Skazka o voennoj tajne, o Mal'chishe-Kibal'chishe i ego tverdom slove* [The Tale of a Military Secret, of Malchish-Kibalchish and His Firm Word]. Moscow: Oniks, 28 p. (In Russ.)
4. Gajdar, A. (1971). *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. T. 1* [Collected Works. In 4 Volumes] (Vol. 1). Moscow: Detskaja literatura, 368 p. (In Russ.)
5. Gajdar, A. (1972). *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. T. 3* [Collected Works. In 4 Volumes] (Vol. 3). Moscow: Detskaja literatura, 400 p. (In Russ.)
6. Gajdar, A. (1973). *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. T. 4* [Collected Works. In 4 Volumes] (Vol. 4). Moscow: Detskaja literatura, 590 p. (In Russ.)
7. Kazachok, M. V. (2005). *A.P. Gajdar v kritike i literaturovedenii* [A. P. Gaidar in criticism and literary criticism] [Dis. of Cand. of Philol. Sciences]. Volgograd, 195 p. (In Russ.)
8. Propp, V. (2021). *Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of a fairy tale. Historical roots of a fairy tale]. Moscow: KoLibri, 640 p. (In Russ.)
9. Sazanovich, E. (2012). Arkadij Gajdar: Voennaja tajna Mal'chisha-Kibal'chisha [Arkady Gaidar: the military secret of Malchish-Kibalchish]. *Jumost'*, 10(681), 73–74. (In Russ.)
10. Stajin, M. (2018). *Jungovskaja karta dushi. Vvedenie v analiticheskiju psihologiju* [Jung's map of the soul. Introduction to analytical psychology]. Moscow: Kogito-Centr, 300 p. (In Russ.)
11. Tressider, Dzh. (1999). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, 448 p. (In Russ.)
12. Hollis, Dzh. (2016). *Pod ten'ju Saturna. Muzhskie psihologicheskie travmy i ih iscelenie* [Under the shadow of Saturn. Men's psychological trauma and their healing]. Moscow: Kogito-Centr, 184 p. (In Russ.)
13. Chudakova, M. (2004, Jan. 22). Doch' komandira i kapitan-skaja dochka [The commander's daughter and the captain's daughter]. *Russkij zhurnal*. Retrieved Jan. 30, 2022, from http://old.russ.ru/culture/literature/20040122_mch.html (In Russ.)
14. Jung, K. G. (2010). *Psihologija bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow: Kogito-Centr, 352 p. (In Russ.)
15. Jung, K. G. (2010). *Simvolicheskaja zhizn'* [Symbolic life]. Moscow: Kogito-Centr, 326 p. (In Russ.)